

Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ХАМИТСКАЯ ПРОБЛЕМА В АФРИКАНИСТИКЕ

Хамитская теория является одной из форм проявления реакционной идеологии расизма, разделяющей народы на «полноценные» и «неполноценные». В трудах многих буржуазных историков и этнографов-африканистов хамитам приписывается цивилизаторская, культуртрегерская роль: своим активным воздействием они якобы пробудили спящие народы «негроидной» расы и создали государства на африканском континенте, ввели скотоводство и принесли множество других культурных навыков.

Обоснованием этой теории занимались этнографы, лингвисты и антропологи. Языковеды указывали на существование в Северной Африке особой весьма значительной группы хамитских языков. Антропологи, преимущественно английские, итальянские и немецкие, указывали на наличие единого хамитского типа, распространенного по всей северной части Африки, не только в Магрибе и Сахаре среди берберов и туарегов, но и в Северо-Восточной Африке среди народов Абиссинии и прилегающих к ней территорий. В разных вариантах хамитская теория изложена в специальных исследованиях лингвиста Мейнгофа, этнографов Фробениуса, Вильгельма Шмидта, Лушана, Зелигмана, Шпаннауса и многих других.

Хамитская теория получила самое широкое распространение. В том или ином виде хамиты, хамитские народы, волны хамитов или, в более завуалированном виде, хамитское влияние или хамитские черты культуры встречаются в самых солидных научных исследованиях, авторов которых было бы несправедливо упрекать в расизме или приверженности к теориям культурных кругов или типов культуры. О хамитах и хамитских чертах культуры упоминают не только африканисты, занимающиеся этнографией народов Африки, но и специалисты смежных дисциплин: арабисты, египтологи и др., спокойно принимающие на веру существование таких категорий, как этнографическое понятие хамитов. Оно вошло во многие работы по этнографии и истории культуры и в разного рода справочники. Чтобы не быть голословным, могу указать на один из самых известных английских справочников по Африке «An African Survey», составленный Хейли и изданный в Оксфорде в 1938 г.¹ То же можно сказать и о справочнике, изданном Хембли в Чикаго в антропологической серии Фильдовского музея естественной истории².

Что же представляет собой хамитская теория, что она доказывает и каковы научные доказательства, приводимые в ее подтверждение, — таковы те вопросы, ответить на которые является задачей этой статьи.

Хамитская теория сложилась прежде всего в среде языковедов. Исследователи африканских языков давно уже обращали внимание на взаимное сходство всех берберских языков Северной Африки на всем ее протяжении, от Марокко вплоть до оазиса Сива. Позднее были иссле-

¹ Hailey (lord), *An African Survey*, Oxf. Un. Pr., 1938.

² W. Hamblly, *Source Book for African Anthropology*. Pts. I — II, Chicago, 1937.

дованы также сходные между собой языки северо-восточного угла Африки — Абиссинии и прилегающих областей. Впервые обе эти группы языков были объединены и названы хамитскими в работах известного египтолога Рихарда Лепсиуса. В 1863 г., составляя классификацию языков мира, он выделил особо языки, имеющие грамматический род. В числе трех групп, выделенных им из прочих языков, впервые упоминаются хамитские языки, включенные с семитскими и яфетическими в одну группу. Основанием для такого наименования было установившееся еще в конце XVIII в. название языков Ближнего Востока — арабского, еврейского, финикийского и эфиопского — семитскими, по имени одного из сыновей Ноя (Бытие, гл. X). Лепсиус воспользовался двумя другими именами сыновей Ноя, назвав индо-европейские языки яфетическими, а языки Африки — хамитскими³. Позднее тот же Лепсиус в своем предисловии к Нубийской грамматике⁴, где дана классификация языков Африки, уточнил понятие хамитских языков, разделив их на 1) египетско-коптский, 2) берберские языки и 3) кушитские языки (введя впервые это название). Последующие лингвисты, занимавшиеся вопросами классификации языков этой группы, Фридрих Мюллер⁵ и уже в наши дни Брокельман⁶ признали более тесную связь хамитских языков с семитскими.

Однако история хамитской проблемы начинается не с них. Во всех вышеперечисленных работах в сущности дело ограничивалось пределами чисто лингвистической классификации.

Истинным создателем хамитской теории оказался немецкий африканист Карл Мейнхоф. Воспитанный в духе младограмматической школы, Мейнхоф еще в конце XIX — начале XX в. опубликовал ряд исследований по языкам банту, сравнительную грамматику языков банту, и его работы до сих пор пользуются заслуженным признанием. В своих первых работах по языкам банту Мейнхоф по существу не выходил за пределы изучения вопросов фонетики и морфологии и составил себе широкую известность крупнейшего языковеда-бантуиста. Позднее Мейнхоф перешел к изучению языков Северной Африки и в 1912 г. опубликовал свое исследование «Языки хамитов»⁷. В этой работе дан очерк семи языков, названных им хамитскими. Из них один является языком берберов Марокко (шилх), два языка относятся к кушитской группе (сомали и бедауйе), к хамитским же языкам Мейнхоф отнес языки массаи и нама. Кроме того, в число хамитских языков включены им еще два, положение которых в системе классификации языков Африки оставалось до той поры спорным, а именно языки хауса и фуль (точнее, фульфульде).

Основанием для выделения всех этих языков в одну группу было наличие во всех них грамматического рода. Черта эта в глазах Мейнхофа имела решающее значение. Одного этого признака было достаточно, чтобы соединить в одно целое столь различные языки, разбросанные к тому же по всей территории Африки. В известной степени в этом отношении он был лишь продолжателем Лепсиуса, который также считал этот признак решающим. Наличие грамматического рода представляется Мейнхофу особенно типичной чертой флективных языков. Среди всех других признаков флективных языков — внутренней флексии, сложного образования множественного числа, отсутствия музыкального и наличия тонического ударения и т. д. — основной чертой, по его

³ R. Lepsius, *Standart Alphabet*, 2 ed., Berlin, 1863.

⁴ R. Lepsius, *Nubische Grammatik*, Berlin, 1880.

⁵ Fr. Müller, *Reise der Ostereichen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Linguist. Theil*. Wien, 1867. Для него характерно стремление связать лингвистические проблемы с антропологией.

⁶ Brockelmann, *Grundr. d. vgl. Gr. der Semitischen Sprache*, 1907—1913.

⁷ C. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912.

мнению, является наличие или отсутствие грамматического рода⁸. Изучением хамитских языков Мейнхоф занимался около 30 лет, и в одной из своих последних работ в 1936 г. он высказался довольно определенно: «Люди, говорящие на флективных языках, относятся в общем к белой кавказской расе с волнистыми волосами. Хотя представители других рас иногда заимствовали флективные языки, потому что, как известно, раса и язык не совпадают. Многие азиаты, например, говорящие на флективных языках, смешались с монгольскими и другими азиатскими расами. Многие семиты и хамиты Африки восприняли негрскую кровь. Встречаются и белые, говорящие на нефлективных языках, например, мадьяры, финны, баски и многие народы Кавказа. Но в общем флективные языки — это языки белой расы, языки господствующих народов, которые создали историю Запада и Ближнего Востока. Это языки великих создателей религии и философов»⁹. В этих словах совершенно ясно выражено стремление связать историю языка с модной в Германии в то время, когда писалась книга, теорией о господствующих народах. Но было бы неверно относить взгляды Мейнхофа только на счет фашистских идей. В лице Мейнхофа мы видим убежденного расиста, задолго до Гитлера говорившего о господствующих народах и их исключительной роли в создании культуры. Это видно уже из того, что его исследованию «Языки хамитов», выпущенному им за 25 лет до «Происхождения флективных языков», приложено специальное дополнение, обосновывающее единство хамитских языков с точки зрения антропологии. Но прежде чем мы обратимся к антропологическим данным, следует остановиться несколько подробнее на лингвистических взглядах Мейнхофа.

В начале XX в., в результате исследований Мейнхофа в области изучения языков банту и работ Вестерманна в области суданских языков, в среде африканистов сложилось прочное убеждение, что в Африке существуют три основных языковых типа (не считая бушменских языков).

1. Группа суданских языков, в которую входят языки всего Судана от Атлантического побережья вплоть до долины Нила. Д. Вестерманн в исследовании своем «Суданские языки» доказывал их единство и воссоздавал единый суданский праязык, исходя из предположения, что язык эве представляет собой классический пример суданского языка¹⁰. По типу эве он характеризовал языки Судана как аморфные: они односложны, не имеют грамматического рода, никаких морфологических признаков, отличающих имя от глагола, никаких префиксов и суффиксов (как иногда говорят: «не имеющих никакой грамматики»). Зато суданские языки имеют музыкальные тоны. Словом, они относятся к аморфному изолирующему типу и сходны с китайским языком.

2. Вторую группу составляют языки банту. По морфологической схеме они относятся к группе агглютинативных языков. Единство языкового типа банту было доказано сначала Бликсом¹¹, а позднее Мейнхофом¹², который воссоздавал праязык всей группы (Ur-bantu). Характерным отличием языкового типа банту являются классы имен существительных: все имена существительные делятся на несколько групп (людей, растений, животных, деревьев и т. д.), причем каждый класс

⁸ Насколько такой взгляд неправилен, видно из того, что столь одностороннее понимание важности грамматического рода применительно, скажем, к изучению языков Европы должно, например, привести к исключению английского языка из числа всех прочих индо-европейских языков и выделению его в особую группу.

⁹ C. Meinhof, Die Entstehung flektierender Sprachen, Berlin, 1936, стр. 22.

¹⁰ D. Westermann, Die Sudansprachen, Hamburg, 1910.

¹¹ W. H. Bleek, A comparative Grammar of South African Languages, London—Cape Town, 1869.

¹² C. Meinhof, Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen, 2 Aufl., Berlin, 1910.

имеет свои именные показатели. Структура всего предложения пронизана ими: показатели субъекта повторяются при глаголе, глагол имеет показатели субъекта и т. д.

3. Наконец, последнюю группу составляют языки севера Африки — языки берберов, народов Абиссинии и прилегающих районов. Это — языки флективные, имеющие грамматический род. Они во многом сходны с семитскими языками. Обосновать единство этой группы языков и воссоздать праязык этой группы и было задачей Мейнхофа.

Во всех лингвистических концепциях Мейнхофа совершенно исключительное место занимает язык фуль — язык народа фульбе. Этот народ, живущий в Западном Судане, выделяется среди всех его окружающих народов своим антропологическим типом: светлая, красноватого оттенка кожа, курчавые волосы, сухощавое сложение, узкое длинное лицо, тонкий нос — все это делает его непохожим на прочие племена и народы Западной Африки. Возможно, что своеобразные антропологические черты фульбе привлекли к себе внимание Мейнхофа и сыграли известную роль в его лингвистических концепциях.

Язык фуль отличается от прочих языков Африки целым рядом особенностей, что ставило всегда исследователей в большое затруднение, когда они пытались его причислить в какой-либо группе языков. К числу этих особенностей относится прежде всего весьма своеобразное образование множественного числа, а именно изменение начального звука слова одновременно с изменением окончания слова. Это изменение видно уже из самого названия этого племени, которое у различных авторов пишется то фуль, то фульбе, то пуль, пуло, пель, филани и т. д. Основанием для такого разнобоя служит то, что все имена существительные в языке фуль, в единственном числе начинающиеся на *P*, во множественном получают *F*. Таким образом, человек племени фульбе — *Pulo*, мн. ч. *Fulbe*. Совершенно таким же образом, как *remboo* (ед. ч.) — *remboke* (мн. ч.) — цирюльник, *pidoo* (ед. ч.) — *judobe* (мн. ч.) — начинающий и т. д.¹³ Положение дел в общем формулируется следующим образом: если в начале слова в единственном числе стоит взрывной, то во множественном числе ему соответствует фрикативный (*k-h*, *tj-s*, *p-f*, *g-w/y*, *d-r*, *dj-y*, *b-w*). Соответственно, если в единственном числе слово начинается на фрикативный, то во множественном имеем соответствующий взрывной.

Первую группу соответствий (взрывной — фрикативный) составляют имена существительные класса людей, вторую группу (фрикативный — взрывной) — вещи (при этом в каждом классе имеем по восьми типов соответствий). Но этим не ограничивается сложность образования множественного числа. Каждое слово, кроме того, имеет суффиксы, которые добавляются к основе и изменяются в зависимости от числа. Так, например, возвращаясь к уже названным словам, *pul-o* в единственном числе имеет суффикс *o*, во множественном *ful-be* — суффикс *be*. Таких суффиксов насчитывается более 35¹⁴. Некоторые из этих суффиксов образуют настоящие классы имен существительных: класс *ngel* — уменьшительные, *kon* — тоже уменьшительные, *ngu* — класс мелких животных, *o* — класс людей в единственном числе, *be* — класс людей во множественном, *wa* — класс больших животных, *am* — класс жидкостей, *ngal* — класс птиц, *gal* — класс предметов, *hi* — класс деревьев, *ki* — класс деревьев и приготовленных из дерева предметов, *ho* — класс трав и кустов и т. д.¹⁵

Таким образом, мы видим, что в языке фуль существуют, с одной стороны, суффиксы, определяющие собой классы имен существитель-

¹³ D. Westermann, *Handbuch der Ful-Sprache*, Berlin, 1909, стр. 202.

¹⁴ Так у Вестерманна. Мейнхоф свел их к 21, а Клингенхейбен увеличил до 25.

¹⁵ D. Westermann, *Ук. раб.*, стр. 205—217.

ных, с другой стороны,—префиксы, определяющие принадлежность слова к одной из двух групп либо к классу людей, либо вещей. Дальнейшее изучение способов образования множественного числа привело Мейнхофа к заключению, что в языке фуль существует в сущности четыре класса изменений начального звука слов, а именно своеобразное противоположение класса лиц — классу вещей, с одной стороны, и класса увеличительных — классу уменьшительных, с другой; противоположения эти основаны на изменениях начального звука слова. Класс людей имеет в единственном числе взрывной, во множественном — фрикативный, класс вещей отражает обратное положение дела (т. е. в ед. ч. фрикативный, во мн. ч. взрывной). Класс увеличительных в единственном числе имеет носовой звук, во множественном — взрывной, уменьшительных — обратный порядок (ед. ч. — взрывной, мн. ч. — носовой). По мнению Мейнхофа, из класса лиц и больших вещей в дальнейшем развитии образовался мужской грамматический род, а из класса вещей и малых предметов образовался женский род. Таким образом, в языке фуль, по мнению Мейнхофа, противопоставляется мужской род, т. е. группа деятельных, активных лиц, женскому роду — группе пассивных лиц, объектов, вещей.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Люди	Взр.	Фр.
Вещи	Фр.	Взр.
Увелич.	Нос.	Взр.
Уменьш.	Взр.	Нос.

Если данное понятие имеет значение активности, оно мужского рода, пассивности — женского рода; крупный предмет будет всегда мужского рода, мелкий, незначительный предмет — женского рода¹⁶. В результате дальнейших исследований и логических умозаключений Мейнхоф пришел к предположению о наличии в языке фуль и вообще во всех хамитских языках особого явления, названного им полярностью (Polarität). В этой «полярности» Мейнхоф видел отражение свойственного хамитам особого мышления. Эта «теория» полярности в общих чертах сводится к следующему. Если слово имеет в единственном числе мужской род, то во множественном оно будет женского рода, и наоборот. Это особенно ясно видно на языке сомали, где все имена существительные женского рода во множественном числе мужского рода, а имена существительные мужского рода во множественном числе имеют женский род. В берберском языке шильх слова женского рода во множественном числе имеют нередко мужскую форму, следы полярности Мейнхоф отмечает в языке хауса и т. д.¹⁷

Надо сказать, однако, что не во всех «хамитских» языках найдены им примеры полярности, ее нет, например, в языках бедауйе и масаи¹⁸.

¹⁶ С. Meinhof, Die Sprachen der Hamiten, Hamburg, 1912, стр. 22—23. Чтобы пояснить теорию Мейнхофа, я укажу на превосходный пример, приводимый им: в языке бедауйе, одном из кушитских языков, слово šc — корова, которое по самому смыслу слова должно относиться к женскому роду, тем не менее грамматически отнесено к мужскому роду, «потому что, — пишет Мейнхоф, — корова настолько важна для людей в их быту, что она считается личностью. Однако то же слово считается женского рода, когда оно обозначает мясо, т. е. оно отнесено к классу вещей». Примеры такого типа, уже не столь яркие, приводятся им из многих хамитских языков.

¹⁷ С. Meinhof, Указ. раб., стр. 171, 95, 69.

¹⁸ Там же, стр. 138, 192.

Для хамита, думает Мейнхоф, весь мир делится на две категории: мужчина и женщина, лицо и вещь, субъект и объект. Все, что не мужчина, должно быть женщиной, а что не женщина, то мужчина, третье исключено. Типичными для хамитского мышления являются, например, такие обычаи: у готтентотов-нама сыновья наследуют имя матери, а дочери получают имя отца; сюда же относятся обычаи переодевания юношей во время инициаций, когда они надевают женские одежды, и т. п. Все это стоит, по мнению Мейнхофа, в связи с кругом мышления хамита¹⁹.

Насколько произвольно подобраны были Мейнхофом примеры полярности, видно из того, что им не приводится следующий пример. В религиозных воззрениях эве, одного из народов Гвинейского побережья, существует представление, что все божества — тр о в о — имеют пол, т. е. они делятся на мужские трово и женские трово. При этом мужским божествам служат жрицы, а женским божествам — жрецы. В этом несомненно, с точки зрения Мейнхофа, должно видеть пример полярности, но так как язык эве является типичнейшим суданским языком и, следовательно, «хамитского влияния» ожидать нельзя, то пример этот Мейнхофом не приводится²⁰.

Мейнхоф положил язык фуль в основу своей теории о происхождении грамматического рода из классов имен существительных. При таком взгляде на вещи язык фульбе оказался как бы посредствующим звеном, во-первых, между хамитскими языками с их грамматическим родом, к которому деление всех имен существительных на активных деятелей и на вещи очень близко. Во-вторых, фуль сближают с языком банту классы имен существительных, выражаемые суффиксами, которые очень напоминают именные классы языков банту. Некоторые из них сходны не только по своей форме, но и по значению. Таковы, например, класс жидкостей фуль *am* — банту *ma*, класс вещей фульбе *ki* — банту *ki*. Таковы же и другие соответствия²¹.

Из этого Мейнхоф сделал следующий вывод: фульбе, т. е. народ несомненно не негрского происхождения, сохранил в своем языке своеобразное сочетание систем именных классов и зачаточную двойную группировку на лица-вещи, из которой позднее развилась категория грамматического рода. В отношении других хамитских языков, которые имеют грамматический род, язык фуль является как бы их предшественником. По мнению Мейнхофа, это — прехамитский (*Prähamitisch*) или дохамитский язык (*Ur-Hamitisch*), отражающий то состояние, из которого позднее развились все языки, имеющие грамматический род. Что же касается отношения языка фуль к языкам банту, то Мейнхоф усмотрел в языке фуль тип языков, из смешения которых с примитивными языками негров создался языковой тип банту. В одной из своих работ он пишет:

«Классовые показатели — в банту префиксы, в языке фуль суффиксы, служат не только для различения слов, но выступают так же, как признаки грамматической связи.

При этом в банту эта грамматическая согласованность выработана исключительно педантично. Европейец находится под впечатлением, что

¹⁹ Там же, стр. 23—24. Аналогичные примеры были указаны им и из области семитских языков. Так, в древнееврейском языке слово «отец» во мн. ч. имеет окончание женского рода (-от), а слово «женщина» во мн. ч. имеет окончание мужского рода (-им). См. статью Meinhof, Das Ful in seiner Bedeutung für die Sprachen der Hamiten, Semiten und Bantu, ZDMG, Bd. LXV, 1911. Эти примеры оказались ошибочными, — см. E. A. Speiser, Pitfalls of polarity Language, vol. 14, No. 3, стр. 187—202.

²⁰ Пример этот, несомненно, был известен Мейнхофу, так как указание это приведено у Вестерманна в грамматике Эве (§ 78, 3, прим. 1), которая весьма основательно была изучена Мейнхофом, так как послужила основанием для его статьи о значении языка эве. См. D. Westermann, Grammatik der Ewe-Sprache, Berlin, 1907, стр. 49, прим. 1.

²¹ C. Meinhof, Das Ful in seiner Bedeutung für die Sprachen der Hamiten, Semiten und Bantu, ZDMG. Bd. LXV, 1911, стр. 199—220.

здравая мысль здесь доведена до абсурда. Господин отдал приказ, и слуга действует по приказанию, не рассуждая и не думая. Так, — пишет Мейнхоф, — я рассматриваю грамматику банту как самостоятельное, одностороннее дальнейшее развитие на основе хамитского праязыка»²².

Трудно выразить яснее пренебрежение к банту, чем это сделал Мейнхоф, отказывающийся в логичности строго выработанному грамматическому строю этих языков. Мало кто из лингвистов, пользующихся работами Мейнхофа, знает, что таковы были идеи, положенные в основу его многочисленных трудов²³. Перед нами убежденный расист, для которого культура негров ничтожна: они лишь слуги, выполняющие приказ своих хозяев. Характернейший для языков банту принцип деления на классы объявляется им результатом воздействия белой господствующей расы. В одной из последних своих работ Мейнхоф пишет: «Я считаю окончательно решенным, что носители «классовых языков» не являются африканцами и что они не были неграми. Где же их родина, на это пока еще ничего достоверного сказать нельзя»²⁴.

Этими не-африканцами были хамиты-скотоводы, по культуре своей и по типу подобные фульбе. Скотоводы-кочевники были тем народом господ (Herrnvolk), который, появившись среди суданских негров, организовал их и создал языки банту. Теоретические взгляды Мейнхофа довольно наивны. Достаточно, например, указать, как Мейнхоф объясняет отсутствие музыкального ударения в хамитских языках²⁵.

«Пастух, будучи одновременно воином и разбойником, является по отношению к боязливому, униженному земледельцу приказывающим ему господином, и поведение господина и сильная воля выражаются в его языке. Неслучайно, что господствующие народы Африки говорят на языках, в которых музыкальное ударение отступило на второй план, а главное место заняло тоническое ударение (Stärkeakzent)».

Взгляды Мейнхофа нашли широчайший отклик как в среде этнографов и антропологов-африканистов, так и в среде семитологов и лингвистов. К числу их, например, можно отнести Воррелла (Worrell) — коптолога и Бергштрассера (Bergstrasser) — специалиста-семитолога, среди лингвистов — кельтоведа Покорного и др. Многие начали применять «законы полярности» в области своей специальности²⁶. Естественно, что больше всего успеха теории Мейнхофа имели в среде африканистов. Для многих из них мнение «лучшего знатока» африканских языков — Мейнхофа стало неоспоримым положением: банту — результат смешения, следовательно, вся их культура обязана своим происхождением творческому воздействию хамитов; хамиты эти представляют собой группу светлокожих пришельцев — отпрысков светлокожей расы (например, фульбе), которые вторглись в Африку с севера и образовали целый ряд государств.

Подтверждение этому видели, например, в государствах Уганды, Руанды и т. д., где антропологи отметили наличие высокорослых с тонкими чертами лица «хамитов» — завоевателей бахима, подчинивших себе местные негрские племена — низкорослые с курчавыми волосами, широкими носами.

Антропологи и этнографы не удовлетворялись этими примерами, но начали искать следы благородного хамитского типа на всей территории Африки. Начало этому положил Лушан, немецкий этнограф и антропо-

²² C. Meinhof, Die Urgeschichte im Lichte der afrikanischen Linguistik, Deutsche Literatur-Zeitung, XXXIII Jahrg., Nr. 38 от 21 сентября 1912 г., стр. 2376.

²³ Так сказать, составляют «подтекст» всех его научных работ.

²⁴ C. Meinhof, Ursprung d. flekt. Sprachen, 63.

²⁵ C. Meinhof, Указ. раб., 1936, стр. 40.

²⁶ См., например, H. Brunner, Das Gesetz der Polarität in der ägyptischen Sprache, Ztschr. für Ägyptische Sprache u. Altertumskunde, Bd. 72, 139—141; Worrell, The Formation of Arabic Broken Plurals, Amer. Journ. of Semitic Languages, vol. 41, 1925, 179.

лог, который присоединил к исследованию Мейнхофа о хамитских языках специальное приложение «Хамитские типы»²⁷. В нем он на антропологическом материале развивает взгляды Мейнхофа, доказывая, что готтентоты и массан, сомалийцы и фульбе, ватуси и берберы составляют одну единую расу. Правда, трудно объединить в одно целое светлокожих, голубоглазых и подчас белокурых берберов с готтентотами, которые имеют, как известно, много характерных только для этой расы черт физического типа. Величайшей натяжкой явилось объединение берберов с представителями эфиопской расы, отличающимися длинными курчавыми волосами, темным цветом кожи и т. д. Трудность объединения самых разнообразных типов не остановила Лушана. На помощь ему приходит следующее соображение. При столкновении народов, правда, изменяются физические свойства, но остаются лучшие качества человека или расы. «Побеждает лучший язык, лучшая грамматика, лучшая религия и лучшая система письма». Таким образом, доказательство об антропологии, в сущности говоря, свелось к нулю, к рассуждениям об исчезновении типа, но сохранении духа, размеры которого, конечно, остались не измеренными антропологами. Послесловие Лушана к работам Мейнхофа является лучшим доказательством вздорности всей теории. Чувствуя недостаток доказательств, Лушан пополняет их этнографическими данными, указывая, например, что готтентоты при плетении корзин применяют спиральную технику, которая была известна в древнем Египте. Наивность таких рассуждений бросается в глаза. Рассуждение о спиральной технике могло бы считаться доказательным, если бы оно встречалось только у готтентотов. В действительности же спиральная техника в плетении распространена широко по всей Африке.

Среди немецких антропологов-расистов никто не смог доказать единства всех хамитов. Так, например, Пех (Pösch) не включает в число хамитов наиболее типичных в языковом отношении хамитов-берберов. Фишер говорит не о хамитской расе, а о каком-то неопределенном хамитском типе, образовавшемся из множества рас. Эйкштедт понимает под хамитами эфиопидную расу и т. д. В результате можно сказать, что антропологическое понятие о хамитах у немецких антропологов-расистов чисто негативное. Все, что не негское, то хамитское, другими словами говоря, антропологически хамитов не существует²⁸. Чтобы не останавливаться дальше на антропологических теориях, скажу лишь, что советские антропологи относят берберское население Северной Африки к средиземноморской расе, народы северо-восточной Африки, т. е. кушитов,— к эфиопидной расе и выделяют готтентотов в особую готтентотскую расу.

Взгляды Мейнхофа получили наибольший отклик в этнографии. Однако именно в этнографии хамитская проблема отличается наибольшей неясностью, и совершенно справедливо отмечает один из приверженцев этой теории, что именно в области культурно-этнографической понятие о хамитах стоит на весьма шатком основании. Дело в том, что для зарубежной этнографии, воспитанной на разного рода культурно-исторических кругах и изучении отдельных элементов культуры, на счет хамитов и хамитской культуры относят самые разнообразные черты. Первый, кто попробовал определить этнографически культуру хамитов,

²⁷ Felix Luschan, Hamitische Typen. Приложение 2-е к Meinhof, Die Sprachen der Hamiten, 1912, стр. 241—256 и таблицы.

²⁸ Один из немецких антропологов Эйкштедт также вынужден признать, что берберы не могут входить в число народов эфиопидной расы.— См. Eickstedt, Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit, Stuttgart, 1934; его же, Völkerbiologische Probleme der Sahara. Beiträge zur Kolonialforschung, Tagungsband I, Berlin, 1943, стр. 170—240. В его работах мы видим, что эфиопиды и есть хамиты. Этот вывод не может устраивать языковедов, ибо берберские языки — наиболее типичные представители «хамитской» группы.

был Зелигман, который считал возможным к числу признаков хамитской культуры отнести браки между братьями и сестрами, в чем он видит древний хамитский институт. По его мнению, древняя хамитская культура была матриархальна. Хамиты являются скотоводами, и им всем свойственны особые обычаи, связанные со скотом и доением. Затем типично хамитскими являются: 1) культ постола, отмеченный в древнем Египте, в Уганде и у народов Нила, 2) культ обожествленных царей — вызывателей дождя и 3) особый вид положения в гробу (эмбрион). Таковы признаки единства культуры хамитов. Все эти рассуждения сочетаются с попытками доказать антропологическими выкладками некоторые общие черты хамитов²⁹.

Уже этот перечень показывает насколько случайны все эти признаки, не связанные между собой: они не могут считаться типичными ни для какой культуры. Так, например, браки между братьями и сестрами, известные нам по древнеегипетским памятникам и встречающиеся также в государствах Межозерья, по всей вероятности являются одним из видов родственных браков, встречающимся среди царских родов у многих народов на этапе образования государств. Достаточно сказать, что в южных районах Конго браки эти встречались в государствах Муата Ямво, Лунда, Луба, Мономотапа. Если сторонники хамитской теории попытаются видеть в этом следы хамитского влияния, то придется напомнить о сходных обычаях в государствах древней Америки. То же можно сказать и о погребениях в скорченном виде, о вызывателях дождя и т. д., которые встречаются далеко за пределами возможного влияния хамитской культуры. Несмотря на шаткость взглядов Зелигмана, его идеи развил немецкий этнограф Брауер, доказывая, что в религии гереро отразились хамитские воззрения на культ предков и обожествление скота³⁰. Чрезвычайная примитивность в рассуждениях Брауера может поразить всякого знакомого с историей изучения религий народов древнего мира — Рима и Греции. Римляне по этим признакам тоже должны быть включены в число хамитов. Между тем для герерс вполне естественно наличие обрядов, связанных со скотом, коль скоро они скотоводы. Что же касается культа предков, опять-таки в нем нет ничего специфически хамитского. Идеи Брауера нашли недавно свое продолжение в работах шведского этнографа Ирстама³¹, который пытался в обычаях ритуального убийства царя видеть исключительно хамитский обычай, очевидно, начисто забыв о работах Фрэзера³².

Культура гереро представляет особый интерес для истории развития первобытно-общинного строя, так как у гереро встречается чрезвычайно интересное сочетание двух видов счета родства — материнского и отцовского. Каждый человек принадлежит к роду *Орузо* по линии отца и роду *Еанда* по линии матери. Так как роды *Еанда* имеют права на наследование земель, а роды *Орузо* — на скот, естественно было, что сторонники хамитской теории увидели в этом новый пример хамитских вторжений. Неудивительно, что Леб, один из южноафриканских этнографов, подобным же образом расчленяет культуру куаньяма амбо (одна из групп овамбо в северной части Юго-Западной Африки на границе с Анголой). По его мнению, исторически здесь представлены два слоя — матрилинейный земледельческий и патрилинейный скотоводческий. Этот последний был представлен «воинственными пуританами, энергичными скотоводами мужчинами. Символом их мощи были верховный бог, астральный культ, священный огонь и обожествленный царь,

²⁹ C. G. Seligmann, Some Aspects of the Hamitic Problem in the Anglo-Egyptian Sudan, Journ. of the Royal Anthropol. Institute of Gr. Brit. and Ireland, vol XLIII, 1913, 593—705.

³⁰ Brauer, Züge aus der Religion der Herero, 1920.

³¹ Tor Irtam, The King of Ganda, Stockholm, 1944.

³² Напротив, по мнению Фробениуса, убийство царя — индийский обычай. См. Frobenius. «Eryträa».

хранитель огня»³³. Этот пример показывает, что в среде южноафриканских этнографов до сих пор распространена хамитская теория, притом в весьма наивном понимании и изложении. Несомненно, что автор воздержался бы от подобных рассуждений, если бы знал лучше проблемы африканской этнографии. Дело в том, что сочетание двух типов счета родства встречается не только у овамбо и гереро. Оно известно у яке в Нигерии, талленси и других племен груси на Золотом Берегу и встречается также в Конго. Во всех этих районах трудно усмотреть влияние хамитов, а между тем следовало бы учесть все эти примеры, прежде, чем наивно повторять взгляды Хембли³⁴.

Вообще хамиты явились весьма желанными и удобными для всевозможных концепций. Они сразу же были использованы разнообразными этнографическими школами и включены в их построения. Анкерманн, один из соратников Гребнера по созданию теории культурных кругов, в своем исследовании о тотемизме в Африке доказывает, что нигритский западноафриканский культурный круг не имел тотемизма, а тотемизм является типично хамитским³⁵. С точки зрения венского толка культурно-исторической школы, напротив, хамитам чужд тотемизм³⁶.

В области социального строя Зелигман, как мы видели, считает хамитов материнско-правовыми. Однако Бауманн, изучая распространение отцовского и материнского рода, вынужден считаться с тем, что западные хамиты имеют материнское право, а восточные — отцовское³⁷. Все эти построения противоречат друг другу, и трудно даже просто перечислить их.

Фробениус тоже воспользовался хамитской теорией, но окутал ее типичным для своих воззрений мистическим туманом. В его представлении хамиты — это активная сущность, и Фробениус говорит не столько о хамитских народах, сколько о хамитской душе. Эта душа, выраженная в ее носителях-хамитах, была активной, воинственной, жизнедеятельной в противоположность хтонической душе пассивного негра³⁸.

Нет возможности показать все превращения хамитской души, хамитской культуры или влияния ее. Зоолог Адамец выводит весь крупный рогатый скот из Египта, называя эту породу хамитским скотом. Естественно, что всюду, где только ни встречается этот скот, — на севере, юге или востоке Африки, — Адамец всюду видит следы хамитского влияния. Он проследил распространение этого скота и на территории Европы: и в результате следы хамитского влияния Адамец находит даже в Шотландии³⁹.

С представлением о хамитах как кочевниках-скотоводах, принесших в Африку многие черты культуры, мы встречаемся и в работах Гребнера⁴⁰ и у Штульмана⁴¹, который ничего общего не имеет с культурно-исторической школой. Наконец, то же мы читаем и в работах Грозного⁴². Нет никакой возможности перечислить все натяжки, связанные с этнографическим пониманием хамитов. Так, например, по мнению американского этнографа Хембли, классификационная система банту тоже

³³ E. M. Loeb, Transition Rites of the Kuanyama Ambo. Part I. African Studies, vol. 7, No. 2—3, June—September 1948, стр. 80.

³⁴ Нашему автору, повидимому, остались неизвестными работы Брауера, на которые можно было бы ожидать здесь ссылки.

³⁵ B. Ankermann, Totemismus in Afrika, Ztschr. für Ethnologie, Bd. 47, 115.

³⁶ W. Schmidt u. Koppers, Völker u. Kulturen, I, 1924.

³⁷ Baumann, Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika, Ztschr. f. Ethnologie, 58. Jahrg., 1926, стр. 156—157.

³⁸ Frobenius, Atlas Africanus, Heft I, Blatt 5. Die Bewegung der Hamitischen Kultur; см. также: его же, Das Unbekannte Afrika, München, 1923.

³⁹ L. Adametz, Herkunft und Wanderungen der Hamiten, erschlossen aus ihren Haustierrassen, Forsch.-Inst. für Osten und Orient, II, стр. 107, Wien, 1920.

⁴⁰ Gräbner, Ethnologie, Kultur der Gegenwart, в изд. Hinneberg, III, 5, 1922.

⁴¹ Stuhlmann, Handwerk und Industrie in Ostafrika, 1910.

⁴² Hrozny, Die älteste Geschichte d. Alten Orients.

обязана своим происхождением хамитам⁴³. Как это произошло, он и не пытается объяснить. Между тем интересно было бы узнать, как могли занести хамиты классификационную систему ирокезского типа, существование которой у народов, говорящих на языках семито-хамитской группы, не доказано. Чтобы закончить, наконец, этот перечень, я приведу лишь цитату из диссертации пропагандиста хамитской теории Шпаннауса. «Африка — это континент переселений народов. На путях больших переселений лежат государственные образования, нанизанные как жемчуг на нитке. Но даже и те государства, которые находятся в стороне от этих путей, вроде Дагомеи и Бенина, пронизаны чуждыми элементами слоя завоевателей. В большинстве государств Африки от Судана и Абиссинии — Каффа на севере до Баротсе и Момотапа на юге господствующий слой принадлежит или принадлежал к светлому, сходному с европейским элементу Африки, который мы обозначаем хамитами. В большинстве случаев этот господствующий слой хозяйственно должен быть причислен к скотоводам и лучше всего связывается с понятием о хамитском культурном типе»⁴⁴.

В этих словах мы видим грубейшее искажение истории развития общества. Проблему образования государства Шпаннаус превратил в сложную историческую проблему в примитивно поданную и расистски истолкованную теорию завоевания. На всем исследовании Шпаннаус о политическом строе африканских народов чувствуется, что хамиты в его понимании — это арийцы Африки. Представление о господствующих народах, народах-культуртрегерах в рассуждениях о хамитах нашло свое полнейшее выражение в немецкой этнографии. Но эти взгляды нашли своих adeptов не только в Германии, но и в англо-американской этнографии⁴⁵.

Итак ни антропологические, ни этнографические данные не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Остаются незыблемы лишь лингвистические данные. Однако работы последних лет по изучению языка фуль и других языков Западной Африки привели к весьма неожиданному результату. Более детальное знакомство с особенностями языка фуль показало, что прекрасная на первый взгляд и весьма логичная теория о полярности и четырех префиксальных классах оказалась неверной. Это доказано было ближайшим сотрудником и учеником Мейнхофа — Клинггенхебеном. Изучая исключения и некоторые непоследовательности теории Мейнхофа, Клинггенхен показал, что наряду с системой четырех именных классов в языке фуль имеется пятый класс, который не укладывается в схему полярности четырех классов. Эти пять классов имеют точные соответствия с суффиксными именными показателями. При этом суффиксы сохранили свой прежний вид, тогда как они же в начале слова претерпели чисто фонетические изменения, которые мы воспринимаем теперь как соответствия взрывного фрикативному, фрикативного — взрывному и т. д. Таким образом, некогда в языке фуль существовали классы имен существительных, имевшие пока-

⁴³ Hamblly, The Ovimbundu, Chicago.

⁴⁴ Spannaus, Züge aus der politischen Organisation Afrikanischer Völker und Staaten, Leipzig, 1929, стр. 194; см. его же, Historisch-Kritisches zum Hamitenproblem in Africa in сборнике «In Memoriam Karl Weule» (издание O. Reche), Leipzig, 1929, стр. 181—195. Пропаганда хамитской теории было посвящено много специальных работ. В числе их работы этнографов лейпцигской этнографической школы — П. Германа и Вилли Шильде под одинаковым названием «Beiträge zur Hamitenfrage», изд. в Tagungsberichte der deutschen Anthrop. Ges., 47. Versammlung, Halle — Saale, 1925, (Augsburg, 1926). По мнению Германа, культура хамитов — это часть культурного круга скотоводов, распространенного и за пределами Африки. Тем самым исчезает лингвистическая сторона обоснования единства хамитов.

⁴⁵ К их числу, как мы видели, относятся, кроме уже упомянутых Зелигмана, Хембли и др., также Смес и Дэль, авторы монографии о народах ила, указывающие на культурный хамитский и некультурный негрский типы среди племен ила.

затели в начале и в конце слова⁴⁶. Но это как раз тот порядок, который существует и теперь во многих языках Западного Судана, в частности в языках группы мосси-грусси-гурунси. Тем самым язык фульбе выходит из состояния изолированности. Он включается в большую группу языков Западного Судана. Таков первый результат дальнейших исследований языка фуль.

Вторым, существенно новым моментом является установление того, что замечательные видоизменения начальных звуков слова, прежде считавшиеся типичными только для языка фульбе, были отмечены и в языке биафада, одном из языков крайнего запада Африки. Население, говорящее на этом языке, — маленькое племя рыболовов, сохранившееся до наших дней в устье р. Геба в португальской Гвинее, на островах и в болотистых местностях Атлантического побережья. В антропологическом отношении они типичные суданцы и никак не могут быть заподозрены в хамитском происхождении. Таким образом, оказалось, что и эта «типично хамитская» черта языка фуль встречается в суданских языках⁴⁷.

Этими открытиями уничтожаются всякие попытки видеть в языке фуль прахамитский язык. Его теперь следует включить в число языков Западного Судана⁴⁸.

Прежнее предложение о единстве всех суданских языков теперь уже не выдерживает критики. Напротив, мы видим чрезвычайное разнообразие языков Судана. Тот тип, который считался прежде основным, т. е. аморфные языки Западного Судана, оказался типичным лишь для Верхней Гвинии. Многие языки Судана оказываются языками, в той или иной степени имеющими признаки деления на классы. Предполагать, как это делал Мейнхоф, что система классов возникла в результате появления каких-то хамитов, не приходится, во-первых, потому, что язык фуль не может считаться прахамитским. Во-вторых, вся проблема происхождения именных классов не может решаться столь просто. Дело в том, что проблема появления и развития именных классов в языке — это проблема мышления, а сами именные классы являются не чем иным, как первоначальной классификацией понятий. Именные классы встречаются не только в языках Африки. В пределах СССР они существуют в языках Северного Кавказа, а следы такой классификации отмечены в чукотском языке, кроме того, они существуют в языках североамериканских индейцев и в Меланезии. Таким образом, эта проблема имеет более широкое значение — это часть общего глоттогонического процесса, проблема стадияльного развития языков, и она ни в какой степени не может ограничиваться только африканскими данными.

Проблеме происхождения языков банту Мейнхоф посвятил одну из своих последних работ, написанную им после того, как были опубликованы результаты работ Клингенхейбена. В ней Мейнхоф развивает свою прежнюю точку зрения, вновь повторяя, что языки банту могли возникнуть лишь в результате воздействия господствующей расы. Считаясь с невозможностью видеть в языке фуль предка банту, Мейнхоф в этот раз выдвигает хамито-нилотские скотоводческие воинственные народы Северо-Восточной Африки, которые явились создателями языков банту. «Грамматика банту, — пишет Мейнхоф, — создана сильной волей могущественного народа, который подчинил Центральную и Южную Африку своей мысли, своей воле»⁴⁹. Итак, прежние взгляды Мейнхофа не

⁴⁶ A. Klingenheben, Die Präfixklassen des Ful. Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, XIV, стр. 189—222 и 290—315.

⁴⁷ A. Klingenheben, Die Permutation des Biafada und des Ful. Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, XV, стр. 180—213, 266—272.

⁴⁸ Так поступил Вестерманн в статье об языках Африки в изд. «Völkerkunde von Afrika», Berlin, 1939.

⁴⁹ C. Meinhof, Die Entstehung der Bantusprachen, Ztschr. f. Ethnologie, 70, Jahrg., Berlin, 1939, стр. 144—152.

изменились, в его глазах негр никогда не был в состоянии создать высокоразвитую грамматическую систему языков. Считаясь с невозможностью видеть в языке фуль язык народа завоевателей, Мейнхоф в этой работе заменяет их хамито-нилотскими воинственными народами, которые должны были сыграть роль завоевателей и творцов языковой системы банту. О примитивности подобного взгляда на развитие языка уже говорилось выше. Подмена языка фуль хамито-нилотскими предками не может спасти теорию Мейнхофа. Достаточно сказать, что ни nilотские, ни кушитские языки Северо-Восточной Африки не имеют грамматических классов имени существительного, и в этом новом варианте теории вообще лишена какой бы то ни было доказательности.

Связь языков банту с некоторыми группами языков Судана, как то: языками Кордофана, языками бассейна рек Бенуэ и Крестовой, языками Северной Нигерии (группа языков провинции Зариа), языками группы моси — гуси — гурма, языками крайнего запада Судана темнэ, волоф, серер и фуль — теперь несомненна. Это было доказано работами Д. Вестерманна, который в течение многих лет ведет исследование языков Судана. Установление связи этих групп с языками банту как по линии системы классов, так и по словарю является его несомненной заслугой⁵⁰. Однако Вестерманн хочет связать все эти группы, включая и банту, с некоей древнегритской культурой, распространенной в степях Судана от Атлантического побережья до Кордофана⁵¹. Древнегритская культура является по существу всего лишь новой конструкцией культурно-исторической школы и построена при помощи прежних приемов школы культурных кругов и вряд ли она когда-либо существовала. Точно так же неясно, можно ли считать примитивными языки высокоразвитых народов Гвинейского побережья, т. е. языки группы ква, отделяя их от языков с классовыми показателями. Языки группы ква, моносиллабические, с музыкальными тонами обычно считают весьма примитивными и сближают их по морфологической схеме с китайским. Однако, как показали исследования советских лингвистов, структура китайского языка далеко не так проста и ее никак нельзя считать примитивной. По всей вероятности, языки Гвинейского побережья также вряд ли примитивнее языков Кордофана или бассейна Бенуэ. На Гвинейском побережье задолго до появления европейцев существовали государства, и культуры Иоруба, Ашанти, Дагомеи и Бенина являются наивысшими достижениями народов Судана. Естественнее было бы видеть в языках этих народов результат дальнейшего развития языков с классовыми показателями, тем более, что в них встречаются следы системы именных классов. Эти следы следует рассматривать скорее как остатки прежде развитой системы классов, чем видеть в них результат заимствования из соседних языков. Но, конечно, этот вопрос должен быть предметом специального исследования.

Во всяком случае языки банту представляют собой одну из групп языков с классовыми показателями, которая по сравнению с другими группами гораздо многочисленнее и получила наибольшее распространение. По всей вероятности, это было вызвано конкретными историческими причинами.

Из-за того, что языки банту и некоторые группы языков Судана генетически связаны, не следует думать, что все языки Африки к югу от Сахары представляют одну негроафриканскую группу языков, как это

⁵⁰ D. Westermann, *Die Westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu*, Berlin, 1927, и ряд его статей в «Mitteilungen des Seminars f. Orientalische Sprachen».

⁵¹ D. Westermann, *Pluralbildung und Nominalklassen in einigen afrikanischen Sprachen*, Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Jahrgang 1945/46, Phil. Hist. Klasse, Nr. 1, Berlin, 1947, стр. 27.

хотел доказать Делафосс. Напротив, приходится считаться с огромным разнообразием языков Судана. Среди них выделяются языки мандинго, составляющие особую группу, — это языки древнего царства Мелле, некогда существовавшего в Западном Судане. Особняком стоят также языки нилотской группы. Языки центральной части Судана группы хауса — котоко, до сих пор еще мало изученные, также представляют большое разнообразие. На всем протяжении Судана мы видим множество переходных ступеней, не позволяющих провести резкую границу между стдельными языковыми группами. Так, например, северо-западная группа языков банту настолько отличается от остальных языков, что составляет как бы промежуточное звено между группой банту и языками группы бассейна Бенуэ⁵². С другой стороны, многие языки Судана имеют черты сходства с семито-хамитскими языками, причем это сходство выходит далеко за пределы словарных заимствований, так как речь идет об основных чертах языковой структуры⁵³. Так, например, глагол хауса является как бы более архаичной ступенью развития глагола семито-хамитских языков⁵⁴. Словом, перед нами весьма сложная картина развития языков, которая не может быть сведена к гипотетически чистым и замкнутым языковым семьям с праязыками: она не может быть объяснена также различными теориями завоевания, подобными хамитской теории Мейнхофа.

Против этой теории можно сделать много различных возражений. Одним из существенных возражений является то, что единство хамитской языковой группы Мейнхоф пытался обосновать на примере семи изолированно взятых языков. Язык фуль, так же как и хауса, рассматривался им вне связи с языками Западного Судана как заброшенный в Судан хамитский реликт. О языке фуль уже говорилось, а хауса является одним из языков центральносуданской группы, в которую входят языки Нигерии и бассейна рек Шари и Логоне, и не может считаться одиноко стоящим реликтом. Язык масаи, который Мейнхоф считал одним из языков хамитской группы, входит по существу в число нилотских языков и не может быть оторван от них. Что касается языка готтентотов — нама, то и он гораздо теснее связан с бушменскими языками, чем это представлялось прежде. Теперь выяснилось, что грамматический род встречается во многих языках центральной группы языков сан, т. е. бушменских. Отношения готтентотских и бушменских языков оказались более близкими, и теперь приходится рассматривать происхождение готтентотских языков в связи с историей развития бушменских. Таким образом, нельзя видеть в готтентотах отколовшихся представителей несуществующего хамитского единства⁵⁵.

Итак, в результате рассмотрения истории хамитской теории и тех положений, на которых она покоилась, мы пришли к выводам, что хамитов как особой группы народов или языков не существует. Антропологического понятия хамитов нет. Нет также и особой хамитской группы языков.

⁵² Например, язык занде, не относящийся к языкам банту, имеет много черт языка банту, в том числе систему классов-родов. — См. Д. Ольдерогге. Библиография Востока, т. VIII, рец. на книгу Gore, E.-C. A Zande Grammar, 1930.

⁵³ Было даже предложено назвать языки Центрального Судана чадо-хамитской группой. См. Joh. Lukas, Die Gliederung der Sprachenwelt des Tschadseegebietes in Zentral-Afrika, Forschungen u. Fortschritte, 1934 (10.X); Über den Einfluss der hellhäutigen Hamiten auf die Sprachen des Zentralen Sudan, Forsch. u. Fortschr., 1936, 14. XII. Название неудачное и основанное в конечном счете на взглядах Мейнхофа и его концепциях.

⁵⁴ A. Klingenhoben, Die Tempora Westafrikas und die Semitischen Tempora, Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, стр. XIX, 241—268

⁵⁵ D. F. Bleck, The Naron, Cambridge Univ. Pr. 1928; The Distribution of Bushman Languages in South Africa. Festschr. Meinhof, Hamburg 1927, 55—64; Bushman Grammar. A Grammatical Sketch of the Language of the xam-ka-k'e, Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, XIX, 81—98.

В северной части Африки живут народы, говорящие на языках семито-хамитской группы. На основании этого названия нельзя заключать, что существуют отдельно семитская и отдельно хамитская ее ветви. Название это условное и не может быть расчленено на отдельные половины. Семито-хамитская группа языков должна быть подразделена на четыре группы: собственно семитскую, берберскую, кушитскую и древнеегипетскую. Говорить об единстве хамитских языков, противопоставляя их семитским, нельзя, потому что нет такой черты, которая объединяла бы все три группы в противоположность семитской. Таким образом, можно говорить лишь о семито-хамитской группе языков⁵⁶.

Народы, говорящие на языках семито-хамитской группы, по своей расовой принадлежности относятся к разным расам: средиземноморской (берберы) и эфиопидной (кушиты).

Наконец, не существует также и этнографического понятия — хамиты. Следует помнить, что признавать его означает становиться в конечном счете на откровенно расистские позиции и солидаризироваться с различными псевдонаучными построениями. Таким образом, хамитская теория не имеет места в истории Африки. Хамиты — это фантом, это призрак, существующий лишь в фантастических концепциях школы Фробениуса или Вильгельма Шмидта. Там это понятие имеет свой смысл, свое значение, но эти школы не имеют ничего общего с подлинной наукой об истории развития общества. Хамиты как фактор классовообразования или активный элемент в создании государства — величайшее извращение в вопросах образования государства. Это — одна из реакционных теорий, теорий, ничего общего не имеющих с наукой. И хамитской теории нет места в советской африканистике, так же как ей нет места и в марксистско-ленинском учении о развитии общества.

⁵⁶ Marcel Cohen, Les résultats acquis de la grammaire comparée chamito-sémitique. Conférences de l'Institut de linguistique de l'Univ. de Paris, Année 1933, Paris, 1934, стр. 17—31; Brockelmann, Gibt es einen hamitischen Sprachstamm? *Anthropos*, XVII, 797—818. — Напротив, крайней нечеткостью отличается работа Vycichl. Werner, Was sind Hamitensprachen? *Africa*, VIII, 1935, 76—89. Совершенно основательно замечает Чилард, что в ней игнорируется история развития языков (*Africa*, IX, 1936, стр. 440, прим. 1).